

В. Г. Белинский

**Главные черты из
древней финской эпопеи
Калевалы. Морица Эмана**

Виссарион Григорьевич Белинский

Главные черты из древней финской эпопеи Калевалы. Морица Эмана

«"Калевала" есть творение великое, потому что в противном случае для чего бы ее было даже и переводить на русский язык, не только издавать одно изложение ее содержания, с присовокуплением ученых и всяких других примечаний? Так обходятся только с монументальными произведениями человеческого ума. Действительно, почитатели «Калевалы» сравнивают ее с вековыми, полными всемирного значения поэмами Гомера...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Главные черты из древней
финской эпопеи Калевалы.
Морица Эмана**

Гельсингфорс. 1847.

Это не сама поэма, а только изложение ее содержания. Из этого должно заключить, что «Калевала» есть творение великое, потому что в противном случае для чего бы ее было даже и переводить на русский язык, не только издавать одно изложение ее содержания, с присовокуплением ученых и всяких других примечаний? Так обходятся только с монументальными произведениями человеческого ума. Действительно, почитатели «Калевалы» сравнивают ее с вековыми, полными всемирного значения поэмами Гомера. Вот как отозвался о переводе из нее отрывка на шведский язык профессор-поэт Рунеберг, издававший в Гельсингфорсе «Утреннюю газету»:

Редакция должна сказать, что, по ее мнению, ни одному переводу образцов древности, «Илиады» и «Одиссеи», не удалось сохранить столько красот подлинника, чтобы его можно было сравнить с переводом этой финской руны. Редакция не имела случая позна-

комитъся с остальными рунами «Калевалы», но, судя по этой руне, она полагает, что финская литература в «Калевале» получила сокровище, которое, и в объеме и содержании, можно сравнить с прекраснейшими греческими образцами, и даже превосходит их, может быть, своим высоким естествоописанием и безыскусственным блеском, если только можно превзойти то, что совершенно (стр. 77–78).

В конце книжки приложено довольно длинное суждение о «Калевале» другого шведского или финского (не знаем, право) литератора, г. Тенгстрема – суждение, из которого мы, по его длине, сделаем только извлечение.

Слаба и бледна сага о греческом Орфее в сравнении с этим пышным растением поэтического естествоописания (?), в объем которого входит весь мир с своею (не его ли?) жизнью и со всем своим (его) блеском. Особенно величественна самая картина очаровательной силы звуков кантеля и описание природы. Оно здесь достигло той степени жизни и действительности, ка-

кое (не какую ли?) только истинная поэзия в силах произвести и которое (не которая ли?) должно (должна?) поразить всякого созерцателя (стр. 82)... Таким образом народ с чрезвычайною силою представил национальный свой дух и главные черты жизни как в теоретическом, так и в практическом отношениях. Что касается до представления этих образцов, как они являются в поэзии, то отнюдь они не пустые, аллегорические фигуры, но, напротив, они облечены в свои истинные формы, полны житием (?) и действительностию. Они так же совершенны, как герои Гомера, но совершенство их только другого характера. Если мы в кратких словах изложим содержание финской эпопеи, со всеми ее недостатками, то найдем, что она имеет столько красот, что может занять одно из первых мест в ряду эпических творений прочих народов. Если опять будем сравнивать ее с «Илиадою» и «Одиссеею», то найдем, что она не может с ними сравняться относительно полноты образов, избытка местоположения (?), прекрасного равенства меж-

ду природою и духом, исторической ясности в развязке происшествий и ровного эпического шага (хода?); но зато она представляет такие явления внутренней душевной красоты, каких мы не найдем в Гомере (вот как!!.). Также «Калевала» в общеисторическом отношении не может быть соперницею с творениями Гомера (а!..), но если ясно и подробно показать национальный дух того и другого народа (то есть древних греков и финнов!!.), то трудно решить, на какой стороне преимущество (вот оно куда пошло!..). Финской эпосе должно отдать преимущество в том, что она в одно описание стеснила (?) весь национальный дух, который Гомер представил в двух картинах (стр. 93–94).

Случилось так, что, прочитавши предисловие, мы прочли примечания к поэме, прежде поэмы. Это обстоятельство, естественно, возбудило в нас сильное любопытство насчет самой поэмы. Правда, преувеличенность этих отзывов не ускользнула от нас и показалась нам довольно подозрительною. Особенно возбуждал в нас сомнение последний довод в

пользу превосходства финской поэмы над поэмами Гомера, состоящий в том, что финская эпопея в одно описание *стеснила* весь национальный дух, тогда как Гомеру нужно было создать для этого две большие поэмы. Что ж тут мудреного? – думали мы. Иной национальный дух так мал, что уложится в ореховой скорлупе, а иной так глубок и широк, что ему мало всей земли. Таков был национальный дух древних греков. Гомер далеко не исчерпал его весь в своих двух поэмах. И кто хочет ознакомиться и освоиться с национальным духом древней Эллады, тому мало одного Гомера, но будут для этого необходимы и Гезиод, и трагики, и Пиндар, и комик Аристофан, и философы, и историки, и ученые, а там еще остается архитектура и скульптура и наконец изучение всей внутренней домашней и политической жизни. С XVI века изучает Европа древнюю Грецию – и все еще конца не видно этому изучению. Где только ни открывают следы каких-нибудь колоний греческих, как, например, в Крыму, – как тотчас же возникает целая эрудиция по поводу бедных остатков развалин, фресков и надписей, вы-

рываемых из могил, – и множество ученых составляет себе имя этими изысканиями. Так глубоки и многознаменательны даже слабые следы жизни этого удивительного племени...

И однако ж, несмотря на то, мы думали, что самая преувеличенность восторженных похвал финской поэме, со стороны ее поклонников, может до некоторой степени свидетельствовать о ее значительном достоинстве, помимо всяких неуместных сравнений ее с поэмами Гомера. И вот мы начинаем читать изложение содержания знаменитой поэмы – и не верим глазам нашим? Вместо ожидаемого удовольствия нами овладело чувство досады – следствие жестоко обманутого ожидания! Не нравится нам может многое, не возбуждая досады; но когда неумеренные похвалы приготовят к ожиданию чего-то необыкновенного, тогда разочарование, естественно, возбуждает досаду и на восторженных хвалителей и на превознесенное произведение. Что же мы нашли в «финской эпосе»? Вот вопрос, который ставит нас в затруднительное положение перед читателями! Переписать здесь всю книжку г. Эмана – значило бы по-

ступить против прав литературной собственности. Пересказать разве ее содержание вкратце? – Но мы, во-первых, ничего не поняли в ее содержании, а во-вторых, как пересказывать то, что и в чтении показалось так скучным и неинтересным! Нельзя сказать, чтобы в этой поэме не проблескивали искорки поэзии; но они проблескивают изредка и слабо сквозь мрак призраков, порожденных дикою и невежественною фантазиею. Вот отрывок для образчика финской фантазии:

Напоследок Вяйнямейнен, вспомнив, что давно похороненный богатырь Випунен был чрезвычайно смышлен в колдовстве и сведущ в первоначальных словах, вздумал отправиться на его могилу, в надежде найти тут нужные слова. Но как дорога туда шла по женским иглам, чрез острые мечи мужчин и чрез секиры витязей, то он просил Ильмаринена выковать ему железные перчатки, сапоги, рубашку и длинный шест. Так вооруженный, достиг он на третий день до могилы богатыря. Густой лес уже шумел над могилою. Вяйнямейнен вырубил лес и вко-

лотил шест в рот Випунена. Тот проснулся от мертвого сна и, напрасно стараясь откусить шест, проглотил самого Вяйнямейнена. Для превращения времени Вяйнямейнен из железной своей рубашки и прочих вещей устроил себе кузницу в животе богатыря и начал ковать настоящим образом. Эта выдумка сильно мучила Випунена. Уголья и огарки жгли ему горло. Он в нужде своей между прочим говорит: «Кто ты такой, кого я теперь проглотил? С сотней витязей я то же сделал, но никто меня так не мучил. Ежели ты сотворен Создателем, то я твердо уповаю на него, что он не покинет меня доброго; но ежели ты наемник злого духа, то ты, мерзкий, убирайся! Ты поднят ли из глубоких вод, или прибыл из волн шумящего моря, или из дальних болот колдунов, или из страшных' стран медведей? Отец мой ведь прежде мог прогнать все зло. Неужели я не подобен отцу? Неужели я не похож на брата моего, который управлял небесными тучами? Я могу просить помощи у небес и у преисподней земли. Громко закричу в

моей нужде, так что крик отзовется в глубине земли и чрез девять небес. Укко! близкий сосед громовых туч! дай мне огненный меч, чтоб я мог наказать больно этого подлеца. Поднимайся из волн ты, богиня морей! Приди для моего спасения. Приди, о лес! с твоими тысячами вооруженных витязей. Приди ты, пустыня, с своими толпами, и вы, озера! Восстань из земли мать земного шара, и поднимитесь все вы, в гробах почивающие ратники, на истребление этого зла. Каве! ты дочь природы, пышная, прекрасная, укроти страшные мои мучения! Соберитесь тысячи чертей, чтоб избавить меня от этого злого духа! Убийся, негодяй, из меня, места во мне нет для тебя; ищи себе другого жилища. Переместись, куда тебе угодно, но только далее от меня. Куда мне заговорить тебя, куда сослать тебя? Спеши скорее к тому, кто тебя прислал сюда; спешి домой с быстротою огненной искры; достань себе лыжи или коня у Гиси и уезжай. Ежели ты Калма, восставший из гроба, то отправляйся опять туда. Ежели ты прибыл

из вод, то я сошлю тебя на край севера, чтоб волны там тебя успокоили. Ежели ты прибыл с ветром, то воротись назад по пути весенних ветров. Ежели ты из болот, то заклинаю тебя отправиться в нетающие болота, откуда ты никогда не вылезешь, или ступай в обиталища мертвых, или в кипящую пламенную реку Рутью. Ежели же ты теперь не слушаешься, то возьму напрокат ногти у орла и пугну тебя. Пора тебе убираться. Удались до рассвета, прежде чем взойдет небесная, утренняя заря».

Напрасно, однако ж, Випунен старался колдовскими песнями и заклинаниями избавиться от неприятного гостя. Вяйнямейнен все-таки не удалялся и грозил остаться навсегда, ежели Випунен не выучит его необходимым словам. И так Випунен принужден был отпереть кладовую своих слов: он начинает петь. Песен ему недостает, как скалам недостает камней или рекам воды. Пение его продолжается бесконечные дни и ночи. Солнце остановилось слушать, месяц также при-

слушивается и Большая Медведица поучается.

Скажите, похожи ли сколько-нибудь эти дикие, грубые, лишённые смысла образы на греческие мифы, столь полные глубокого значения, столь изящные по своим формам? какое может быть сравнение между эстетически прекрасными богами древней Греции, ее человечески интересными для нас героями – и этими уродливыми, чудовищными образами богов и богатырей – колдунов финских, с их «первоначальными словами»? Кажется, об этом и речи не может быть. Г-н Тенгстрем в своих натянутых сравнениях «Калевалы» с поэмами Гомера чуть было не напал на истину, коснувшись разницы их во всемирно-историческом значении; но поспешил обойти этот главный и существенный вопрос, угрожавший решительным опровержением всех его преувеличенных похвал финской поэме. Нет, не с «Илиадою» л «Одиссеею» сравнивать ее, а разве с поэмами вроде «Слова о полку Игоревом», да и тут еще не решенный вопрос, на чьей стороне окажется преимущество... Проблески поэзии – повторяем – в «Калевале»

есть; но в каком же народном произведении нет их? Поэзия – общее достояние человечества на всех ступенях его, во всех его положениях, от самого дикого до самого образованного. Но народная, естественная, или непосредственная поэзия только у себя дома оказывает особенно сильное влияние на души людей; это туземное растение, которое вянет на чуждой ему почве. Даже и у себя дома много теряет она своей силы над людьми, как скоро у народа возникает художественная поэзия. Во всяком случае, интерес народной поэзии – интерес местный, домашний. Каждому дорого свое, родное. Общий интерес народные произведения могут приобретать только тогда, когда наука заметит в них указания и факты для объяснения доисторических времен жизни народа. А собственно за поэзией тут слишком гоняться нечего: ее так много, что девать некуда! Народная поэзия – только для охотников. Охота пуще неволи, говорит русская пословица. Охотник прав в своей страсти, особенно, если не воображает всех подобными себе охотниками и не навязывает их удивлению предмета своей страсти...

Но чем теснее, исключительнее круг занятий человека, тем больше важности придает ему человек. За отсутствием других сильных национальных интересов финны с особенною страстью обратились к собиранию и изучению памятников их народной поэзии. В этом отношении у них много общего с теми славянскими племенами, которых вся жизнь в воспоминании, в прошедшем, а не в настоящем и будущем. Те и другие как будто открыли содержание и цель жизни своей в отыскании словесных и других памятников своего прошедшего. Поэма, песня, пословица, стих, полстиха, надпись на камне, — все для них равно важно, велико. И оно понятно: юноша не дорожит своим настоящим, о прошедшем также не думает: вся жизнь, все надежды и мечты его в будущем, и он мыслию опережает время, воображает себя старше, нежели он есть, готов прибавлять себе года, как устарелая кокетка убавляет их у себя. Человек взрослый, совершеннолетний уже любит свое прошедшее, каково бы оно ни было, но он уже не рвется в будущее, не верит его обольстительным обещаниям; он уже научился

ценить настоящее, дорожить им, и вся жизнь, вся деятельность его в настоящем. Для старика настоящее уныло и безотраднo, а в будущем он видит только могилу и потому бранит настоящее и не любит думать, не только говорить о будущем: он весь в прошедшем, весь в своих воспоминаниях, он молодеет, говоря о них, делается счастлив и горд, хваля доброе старое время. Это жизнь в воспоминании, жизнь задним числом! Ее знают и народы. Тогда они делаются археологами исключительно и думают, что важное и дорогое для них так же важно и дорого и для других. Осмельтесь усомниться в ценности их сокровищ или посмотреть на них равнодушно, – вы совершите в их глазах преступление, которому нет равного... Улыбнитесь насмешливо или только недоверчиво, когда они указывают вам на своих Гомеров, на свои «Илиады» и «Одиссеи», – они взглянут на небо, не гремит ли уже гром, долженствующий поразить вас за ужасное нечестие вашего скептицизма... Как во всех иллюзиях старости, тут все дышит преувеличением и фанатизмом. Но если таким археологам-патриотам часто случается

встречать холодность и равнодушие, а иногда и насмешку со стороны людей, которым чужды их обольщения, зато иногда они встречают не только сочувствие, но и готовность на те же преувеличения там, где бы, кажется, всего менее могли они ожидать найти их. Это самое нашла финская литература в известном русском литераторе, графе Соллогубе. Заглавие книжки г. Эмана украшено эпиграфом, заимствованным из статьи графа Соллогуба; а эпиграф этот гласит: «Вы едва ли поймете, как утешительно теперь, когда из литературы сделался какой-то безобразный рынок, найти в уголке Европы столь неожиданное явление». Это сказано по поводу финского литератора г. Ленрота, который несколько лет, терпя нужду и холод, ходит пешком по Финляндии, отыскивая в хижинах ее поселян народные песни. Мы первые готовы отдать справедливость прекрасному и благородному подвигу г. Ленрота; но не считаем нужным впадать для этого в преувеличение. Как! все литературы Европы, кроме финской, превратились в какой-то безобразный рынок?.. Как! бескорыстное служение науке или литерату-

ре существует теперь только в Финляндии?.. Помилуйте, господа энтузиасты! прочтите жизнь таких людей, как Гумбольдт или Араго, – и посмотрите, такие ли еще жертвы принесли они науке! Вспомните, что до сих пор не прерывается в Европе ряд этих смелых мучеников науки, которые отваживаются на путешествия в страны отдаленные и опасные, например, в глубину Африки, где большею частью погибают они от воспалительных и заразительных болезней или от ножа дикарей. Корысть, расчет и торговля действительно проникли теперь во все литературы; но вы близоруки, если за ними не рассмотрели тех благородных и прекрасных явлений, которые хотя и в меньшинстве, но есть и всегда будут везде, к чести человеческой природы. Что в финской литературе нет торгашества, это очень естественно: занятие финскою литературою не представляет никаких материальных выгод, а потому за него и берутся не спекулянты, а только люди, действительно любящие литературу.